

Когда они вновь переступили порог бокового зала уездной управы, Цзян Умянь сидел за письменным столом. Его взгляд — глубокий, темный, точно висящая за окном пелена ливня, — давил тяжелым, осязаемым величием.

Помощник судьи Чжоу Цюань и регистратор Ян Линь робели. Будучи ставленниками префектуры, они понимали, что связаны одной веревочкой: падение одного неизбежно утянет за собой и второго.

В тот день, когда Ян Линь сознался, что уездный судья Пинцина Фан Пин платил ему за сведения, дабы в нужный момент разузнать, откуда у Цзян Умяня берутся его диковинные замыслы, Чжоу Цюань готов был собственноручно выдать сообщника, лишь бы спасти собственную шкуру.

Уездный судья был их прямым начальником. И каким бы никчемным ни казался вышестоящий чин — вроде префекта Ли Мина, — он все же оставался назначенцем императорского двора. Настоящим государственным чиновником!

Помощник судьи и регистратор на его фоне — лишь мелкие канцеляристы. Пусть по чину они и стояли выше уездных писарей и стражников, разница эта была ничтожной.

Замысли они лишить судью реальной власти... Будь у них ум и хватка советника Цяня, они бы давно пригрелись под его крылом в префектуре. К чему тогда было вообще тащиться в эту глушь, в уезд Шаоюань?

Снюхаться с соседом из Пинцина, попытаться выжить заезжего выскочку... Да разве уездный судья Цзян похож на человека, которого можно запугать?

Ему даже не требовалось плести интриги или лютовать. Пользуясь одной лишь властью своего сана, он держал обоих на коротком поводке, не подпуская к важным делам, и при этом заставлял пахать не покладая рук. Хочешь жалованье — работай.

А уж когда судья Цзян представил свой плуг для заливных полей, весть о котором дошла до самого трона, и получил высочайшую награду... Сами Парчовые стражи, доставившие указ, говорили с ним подчеркнуто вежливо.

Чжоу Цюань сокрушенно покачал головой, глядя на поникшего коллегу с горьким упреком:

— Господин регистратор Ян, ну как же вы так... Ох, какая глупость! Какое безрассудство!

Ян Линь молчал. Он и сам понимал, что опростоволосился. Но разве в былые времена уездная управа не должна была принадлежать местным чиновникам, а не пришлому юнцу, который казался неопытным и бездумно принимал толпы бродяг? Кто же знал, что этот молодой судья станет играть не по правилам! Имея в руках лишь серебро да зерно, он сумел переломить ход

игры и превратить Шаоюань в то, чем уезд являлся теперь.

Впрочем, лазейка для спасения еще оставалась. Регистратор уверял себя, что лишь несколько раз передал пустяковые вести, не причинив уезду прямого вреда. Действовал дерзко, но осторожно, стеля соломку на случай провала — именно на это он сейчас и уповал. Но сегодня прийти в управу его заставил животный страх: если смолчать сейчас, следующая их встреча с судьей Цзяном состоится уже в сырых казематах.

— Судья... Фан Пин прислал записку, — дрожащими руками Ян Линь протянул клочок бумаги. Иероглифы на нем были выведены каллиграфически правильно, сухо, без малейшего намека на индивидуальный почерк — словно вырезаны из печатной книги и наклеены в ряд.

Цзян Умянь бесстрастно пробежал глазами строчки. Содержание было кратким: заманить судью Цзяна к горе Лоху, а уж там другие люди со всем разберутся.

Гора Лоху высилась на границе уездов Пинцин и Шаоюань; именно в тех краях, среди невысоких сопок, обнаружили рудную жилу. Хотя уезды соседствовали, здешние земли разительно отличались от равнинных. До мятежа в лесистых ущельях Лоху ютились разбойничьи шайки, но карательные войска выжгли их гнезда дотла, и с тех пор там не встречали ни души.

Цзян Умянь уже принял решение. Он вскинул голову и пристально оглядел сжавшихся чиновников.

— Регистратор Ян, — негромко, размеренно начал он. — Вы тайно обменивались вестями с Фан Пинем двадцать один раз. Из-за проданных вами сведений погибли три человека, еще двенадцать остались калеками, причем пятеро из них теперь прикованы к постели. Косвенно это привело к самоубийству еще пятерых, увечья получили более сорока человек. В общей сложности пострадала сто тридцать одна семья.

С каждым его словом Ян Линь содрогался всем телом, пока наконец колени его не подогнулись, и он мешком рухнул на пол.

Помощник судьи Чжоу Цюань распластался ниц еще в самом начале этой безжалостной речи. Судья знал всё. Оправдываться было бессмысленно.

За окном ревела буря, сырой холод пробирался под одежды, заставляя замерзать, точно посреди ледяной зимней стужи.

Голос Цзян Умяня гремел в ушах несчастных громче небесных раскатов. Ян Линь зажмурился, тщетно пытаясь отгородиться от реальности, словно это могло отсрочить неизбежную кару.

Чжоу Цюань услышал шуршание бумаги — хозяин кабинета отложил листы. Помощник судьи

замер в ожидании приговора, но новых докладов не последовало. Вместо этого Цзян Умянь спокойно произнес:

— Согласно законам Великой Чжоу, за мздоимство в размере тысячи лянов полагается смертная казнь. Вы, господин Ян, будучи регистратором, наверняка сильны в счете. Двадцать одно донесение, судьбы сотен семей, жизни почти ста человек... и все это вы оценили в тысячу пятьсот восемьдесят один лян серебра. Скажите, я нигде не ошибся в расчетах?

Ослепительная молния рассекла тучи, на миг озарив комнату мертвенно-белым светом. Сквозь рокот грома Чжоу Цюань расслышал тихий, жалкий всхлип рядом с собой.

— Пощадите, господин судья! Сжальтесь! — запричитал Ян Линь, захлебываясь слезами. — Я ведь лишь хотел оказать услугу... Я сам никого пальцем не тронул!

Шелк широких рукавов Цзян Умяня шуршал о край стола. Он вновь взял со стола бумагу, и его ровный, лишенный жалости голос прозвучал как погребальный звон:

— Час Крысы, первая четверть. Префектура Нанькан, трактир «Обитель Созерцания Моря», угловая комната с абрикосовыми шторами. Трое гостей...

Судья зачитал пять подробных записей, в которых с точностью до шага восстанавливались все встречи Ян Линя и Фан Пина — вплоть до заказанных за обедом блюд.

«Такое под силу выведать только Парчовым стражам! — громом среди ясного неба ударила Ян Линя страшная догадка. — За его спиной стоят тайные ищейки императора! Мне конец...»

Ужас сковал его разум. Регистратор и помыслить не мог, чем привлек внимание грозного ведомства. Слова оправданий застряли в горле, он лишь беззвучно разевал рот, не в силах вымолвить ни звука.

Цзян Умянь холодно, без тени веселья усмехнулся.

— Генерал Сюэ состоит в Военном комиссариате пяти армий, и Парчовые стражи проводят расследование по его приказу. Вы, господин регистратор, преподнесли нам весьма занятный сюрприз.

Цзян Умянь отложил листы. Не приди Ян Линь сегодня с повинной, ищейки все равно взяли бы его под стражу до наступления темноты — они лишь разминутись на полчаса. Впрочем, теперь это не имело значения. По знаку судьи в зал вошла стража, дабы увести преступника в темницу. Дальнейший допрос и приговор оставались за Парчовыми стражами.

Когда за бывшим коллегой захлопнулась дверь, Цзян Умянь перевел взгляд на оставшегося:

— Господин помощник судьи Чжоу, составлен ли реестр разрушений в уезде?

Чжоу Цюань судорожно сглотнул, пытаясь выкинуть из головы шорох волочимого по полу тела Ян Линя и тяжелый стук сапог стражников. Опомнившись, он с легкой заминкой ответил:

— Да, господин судья, всё записано и подшито в книгу. Реестр уже находится в налоговой палате.

Крупные капли холодного пота капали с его лба на деревянный пол. Из всех сил сдерживая дрожь в голосе, Чжоу Цюань принялся докладывать цифры:

— Восемнадцать пустующих домов разрушены до основания, жить в них невозможно. Еще у девяноста шести строений потрескались стены, они могут рухнуть в любой момент...

Выслушав рапорт до конца, Цзян Умянь мягко улыбнулся:

— Ваше усердие в эти дни не останется неизбежным, господин Чжоу. Что касается падения регистратора Яна... пусть его участь послужит вам предостережением. Не повторяйте чужих ошибок. С завтрашнего дня все финансовые расчеты уезда переходят под ваше начало. Советник Цзян передаст вам книги. Придется вам потрудиться на благо управы.

И кнут, и пряник — разыграно как по нотам. Чжоу Цюань, у которого и без того не хватало смелости для интриг, окончательно смирился. Рассыпавшись в благодарностях, он нетвердой, шаткой походкой вышел из залы и скрылся за пеленой проливного дождя.

«Парчовые стражи — на редкость полезный инструмент, — подумал Цзян Умянь. — Почти как камеры слежения: позволяют выудить любые сведения из прошлого. Вот только камеры беспристрастны, а стражники — живые люди. А людям свойственно преследовать корыстные цели».

Впрочем, сейчас это его не заботило. На сегодня у него оставалось еще немало дел.

У порога его поджидал советник Чжао Чэн. Натянув соломенный плащ-дождевик и поглубже надвинув бамбуковую шляпу, он сжимал в руках мотыгу и тихо ворчал:

— Господин судья, ливень стеной стоит. Придется нам идти за город пешком.

В такую непогоду советник Чжао слишком дорожил своей любимой лошадкой, чтобы выводить ее из стойла. К тому же, поскольку кобыла на размытой дороге да покатись кубарем, еще неизвестно, увидят ли они оба завтрашний рассвет.

На севере редко случались подобные затяжные ливни — казалось, само небо разверзлось и

обрушило на землю океан воды. Очередная вспышка молнии отразилась в глазах Цзян Умяня, но лицо его оставалось непроницаемым.

— Пешком так пешком, не беда, — спокойно ответил он. — Нужно осмотреть лагерь и поля за городскими стенами. В такую погоду вода уходит плохо, нельзя допустить, чтобы посевы затопило.

Дела в пригородном лагере шли неважно: люди отчаянно пытались отвести подступающую воду. Ли Е, не обращая внимания на хлещущие по лицу струи, раздавал беженцам плащи и шляпы. Стариков и детей еще спозаранку перевезли в пустующие дома в городе, так что в лагере у палаток остались лишь крепкие мужчины.

— Господин судья! Куда вы в такой ливень, возвращайтесь в управу! — во весь голос закричал Ли Е. Южане-то к местным капризам погоды привыкли, а вот северянину, их уездному судье, эти потоки воды были в диковинку!

Цзян Умянь промолчал и направился напрямик к палаткам.

Здесь по-прежнему стояла половина гарнизона. Генерала Сюэ Вэня видно не было — он вместе с военными советниками ушел в горы и еще не возвращался. Распоряжения отдавал его помощник, зычным голосом сзывая солдат на расчистку стоков.

Ливень не утихал, но для сбора точных сведений лучшего времени было не сыскать.

Разделив лагерь пополам, Цзян Умянь и советник Чжао обошли его с юга на север, скрупулезно занося все данные в записи. Напоследок судья бросил Ли Е:

— Можете забирать бревна, что лежат на земле, и укреплять ими палатки. Потом разберемся с расходами, а пока пускайте в дело.

Не дожидаясь ответа, Цзян Умянь вместе с Чжао Чэном поспешил к пашням.

До высадки рассады оставались считанные дни; земля уже получила первую подкормку, но столь яростный ливень грозил вымыть все удобрения. Без них неокрепшие побеги позднего риса зачахнут, и тогда о богатом урожае можно забыть.

Впереди, насколько хватало глаз, среди размытых борозд копошились темные фигуры в плащах. Наклонив голову, чтобы вода не заливалась под воротник, Цзян Умянь шел следом за советником Чжао. Тот вдруг замер как вкопанный и удивленно указал на казенную пашню:

— Господин судья, вы разве отправляли сюда стражников?

— Нет, — отозвался Цзян Умянь. — Все стражники заняты: осматривают ветхие дома или помогают устраивать новоприбывших беженцев и артельщиков. На полях никого быть не должно. Ты кого-то заметил?

Посмотрев из-за плеча советника, он разглядел сквозь дождевую завесу несколько силуэтов. Люди усердно расчищали дренажные каналы. Сосчитав их, Цзян Умянь догадался, кто это мог быть.

— Пойдем проверим.

Подойдя ближе к размокшей меже, Цзян Умянь окликнул одного из работавших:

— Чэнь Пин?

Мужчина, только что проверявший сток, выпрямился и обернулся. Из-под мокрой бамбуковой шляпы на него смотрели знакомые внимательные глаза уездного судьи.

— Господин судья?! — изумился Чэнь Пин. Переведя взгляд на стоявшего рядом Чжао Чэна, он окончательно удостоверился, что перед ним действительно глава уезда и его советник. — Но как... почему вы здесь?

Заметив насквозь промокшие плащи и забрызганные жидкой грязью полы их халатов, он сразу понял: эти двое пришли сюда из города пешком.

Чэнь Пин застыл под проливным дождем, не зная, что и думать. Ему еще никогда не доводилось видеть, чтобы уездный судья самолично месил грязь на пашне!

Мало того, что этот чиновник не побоялся испачкать дорогое платье и промокнуть до нитки, так он еще и лично явился проверять каналы в самый разгар бури.

Придерживая полы промокших одежд, Цзян Умянь присел на корточки у края поля и кивнул Чэнь Пину:

— Давно вы здесь?

Сквозь серую стену ливня было видно, что дренажная система работает исправно: потоки грязной воды уходили в сторону по свежерасчищенным руслам. Кое-где виднелись глубокие следы от лопат.

Остальные крестьяне, заметив прибытие начальства, лишь на мгновение прервались, отвесили поклоны и тут же вернулись к работе. Заметив, что некоторые едва справляются с напором воды, советник Чжао без лишних слов перехватил мотыгу и принялся помогать им.

Богатырь Чэнь Пин неловко опустился рядом с судьей. Из-за его внушительного телосложения он казался громоздким и явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Да как хлынуло, так и пришли, — почесав затылок, пробормотал он.

«Значит, как раз в то время, когда ко мне явился Ян Линь», — сопоставил факты Цзян Умянь. В уездной управе тогда царила суматоха, все руки были заняты спасением города, и до полей дело дошло бы не скоро. Кто бы мог подумать, что простые крестьяне сами возьмутся за работу.

— И почему же вы решили прийти сюда? — поинтересовался Цзян Умянь.

Чэнь Пин замялся, подбирая слова:

— Так ведь... вы, господин судья, велели и траву эту сеять для удобрения, и новые плуги привезли. Сразу видно, что эти поля для вас не пустяк.

Крестьянин мало что понимал в мудреных указах нового начальника, но смекал: судья дорожит этой землей. А Чэнь Пин ничего, кроме крестьянского труда, отродясь не умел, зато уж в земледелии разбирался лучше многих.

Прийти да прочистить стоки от грязи — дело нехитрое, лишь бы важный замысел господина судьи не пошел прахом из-за непогоды.

Но он и подумать не мог, что встретит здесь самого Цзян Умяня и советника Чжао!

Судья внимательно посмотрел на него и спросил:

— Если я доверю эти земли твоим заботам, справишься?

<http://bllate.org/book/19045/1960219>